

рен. Орел имел распушенные крылья, как бы готовясь лететь; но змей, обвив его кольцами, не позволял подняться и пытался головой ужалить его в крыло. Однако ядовитое пресмыкающееся ничему не могло сделать, ибо орел, сжав его в когтях, не допускал до того, и змей, казалось, более коченел, нежели боролся с птицей, чтобы достигнуть его крыла. Таким образом, чудовище начинало издыхать и яд его застыл, между тем как орел, по-видимому, с торжествующим видом, но без победного крика намеревался подняться и унести с собой змея: о том можно было судить по его веселому выражению и смерти чудовища. Те, которые видели этого змея, сказали бы, что его мучения могли утратить всех других змей Византии и заставить их укрыться в норы. Изображение этого орла было замечательно не только по одному выпесказанному мпой, но и вследствие того, что на крыльях орла были обозначены линиями двенадцать часов дня, и по ним всякий, знавший то, мог узнавать время, если лучи солнца не были закрыты облаками.

В главах 9 и 10 автор описывает статую Елены и статую какой-то неизвестной женщины, которая на воздухе держит одной рукой копы за ногу вместе с всадником. Но все, что говорится об Елене, относится не к статуе, а к историческим воспоминаниям о взятии Трои, которые опять напомнили автору взятие Византии и дали ему повод к риторическим упражнениям.

11. За этой статуей (то есть женщины, держащей на воздухе копы за ногу с всадником), близ того восточного столба ристалища, который называется Красным (Ῥουσοῦς) помещались статуи, воздвигнутые в честь возниц, прославившихся своим искусством править: неопределенно, одним движением руки, они давали урок другим, а именно: не советуя спускать вожжи у столба и указывая на необходимость подтянуть их изо всей силы, чтобы приблизиться к столбу, заставить противника описать большой круг и таким образом остаться позади, несмотря на всю быстроту его коней и собственное искусство править колесницей.

12. Хотя я не имел в виду описывать всего, но считаю необходимым присоеди-

нить еще описание одного каменного пьедестала удивительной работы и представлявшего превосходное зрелище. На этом пьедестале помещалось животное, которого всякий, без сомнения, принял бы за быка, если бы у него не был хвост так короток и не отвисла бы шея, как то бывает у египетских быков; притом копыто этого животного нерадивосное. Этот бык в своей пасти душил другое животное, тело которого было покрыто столь толстой чешуей, что оно казалось непроницаемым. Первого принимают некоторые за *василиска*; второго же, которого он душил, за *аспида*. Другие же полагают, что это — нильский ишпопотам и крокодил. Впрочем, это все равно. Укажу только на одну особенность их борьбы, а именно, что они оба и наносят удары, и принимают, и уничтожают, и уступают; оба вместе и побеждают, и побеждаются: действительно, тот, которого считают василиском, распух с головы до пят, и тело его было зеленее цвета лягушки, ибо яд разлился повсюду и покрыл все смертью; припад на колени, с закачиваемыми глазами, чудовище казалось безжизненным, и зритель принял бы его за мертвого, если бы его не поддерживали ступни, которые держались сами собой. Другое же животное, стиснутое в зубах первого, едва шевеля хвостом, с разинутой пастью, старалось вырваться, но не могло, ибо его плечи и передние лапы были заключены в пасти и сжаты зубами. Так наносили они друг другу смерть, боролись, оба побеждали и оба гибли. Мне же при этом приходило на мысль: такой бой на жизнь и смерть может быть изложен не только при помощи искусства и в виде борьбы одних свирепых животных, но он повторялся и между многими народами, которые наносили войну нам, грекам: все они погибли во взаимной вражде, терзая друг друга, и погибли по воле Христа, который рассеивает народы, жаждущие войны, не терпит кровопролития и дает праведному погнать аспида и василиска, и льва, и дракона.

Περὶ Κοσταντινουπόλεως. 1 12.